

ВАЙЛЬ&ГЕНИС

ПЕТР
ВАЙЛЬ
& АЛЕКСАНДР
ГЕНИС

Родная
речь

Уроки изящной
словесности

издательство **АСТ**

МОСКВА

Содержание

АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ

Веселое ремесло

9

От авторов

15

Наследство
“Бедной Лизы”
карамзин

21

Торжество
Недоросля
фонвизин

35

Кризис
жанра
радищев

49

Евангелие от Ивана
крылов

63

Чужое горе
грибоедов

77

Хартия
вольностей
пушкин

91

Вместо
“Онегина”
пушкин

107

На
посту
Беллинский

121

Восхождение к прозе
ЛЕРМОНТОВ

135

Русский Бог
ГОГОЛЬ

165

Печоринская ересь
ЛЕРМОНТОВ

149

Бремя маленького человека
ГОГОЛЬ

181

Мещанская
трагедия
ОСТРОВСКИЙ

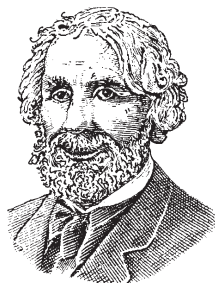
193

Формула
жука
ТУРГЕНЕВ

209

Обломов
и "другие"
ГОНЧАРОВ

223

Роман
века
чернышевский

237

Любовный
треугольник
некрасов

253

Игрушечные люди
**салтыков-
щедрин**

269

Мозаика эпопеи
толстой

285

Страшный
суд
достоевский

301

Путь романиста
чехов

319

Всё — в саду
чехов

335

АНДРЕЙ СИНЯВСКИЙ

Веселое ремесло

Кто-то решил, что наука должна быть непременно скучной. Вероятно, для того, чтобы ее больше уважали. Скучное — значит, солидное, авторитетное предприятие. Можно вложить капитал. Скоро на земле места не останется посреди возведенных до неба серьезных мусорных куч.

А ведь когда-то сама наука почиталась добрым искусством и все на свете было интересным. Летали русалки. Плескались ангелы. Химия именовалась алхимией. Астрономия — астрологией. Психология — хиромантией. История вдохновлялась музой из хора Аполлона и вмещала авантюрный роман.

А ныне что? Воспроизводство воспроизводства?

Последний приют — филология. Казалось бы: любовь к слову. И вообще, любовь. Вольный воздух. Ничего принудительного. Множество затей и фантазий. Так и тут: наука. Понаставили цифры (0,1; 0,2; 0,3 и т. д.), по-

натыкали сноски, снабдили, ради научности, аппаратом непонятных абстракций, сквозь который не продрасться (“вермикулит”, “груббер”, “локсодрома”, “парабиоз”, “ультрарапид”), переписали все это заведомо неудобоваримым языком — и вот вам, вместо поэзии, очередная пилорама по изготовлению бесчисленных книг.

Уже в начале XX столетия досужие букинисты задумывались: “Иной раз дивишься — неужто у человечества на все книги мозгов хватает? Мозгов столько нет, сколь книг!” — “Ничего, — возражают им наши бодрые современники, — скоро читать и производить книги будут одни компьютеры. А людям достанется вывозить продукцию на склады и на свалки!”

На этом индустриальном фоне, в виде оппозиции, в опровержение мрачной утопии, и возникла, мне представляется, книга Петра Вайля и Александра Гениса — “Родная речь”. Название звучит архаически. Почти по-деревенски. Детством попахивает. Сеном. Сельской школой. Ее весело и занятно читать, как и подобает ребенку. Не учебник, а приглашение к чтению, к дивертисменту. Не восславить предлагается прославленную русскую классику, а заглянуть в нее хотя бы одним глазком и тогда уже полюбить. Заботы “Родной речи” экологического свойства и направлены на спасение книги, на оздоровление самой природы чтения. Основная задача формулируется так: “Книгу изучали и — как часто бывает в таких случаях — практически перестали читать”. Педагогика для взрослых, в высшей степени, между прочим, начитанных и образованных лиц.

“Родную речь”, журчащую, как ручей, сопровождает неназойливая, необременительная ученость. Она

предполагает, что чтение — это сотворчество. У всякого — свое. В ней масса допусков. Свобода трактовок. Пускай наши авторы в изящной словесности собаку съели и выдают на каждом шагу вполне оригинальные повелительные решения, наше дело, внушают они, не повиноваться, а любую идею подхватывать на лету и продолжать, иногда, быть может, в другую сторону. Русская литература явлена здесь в образе морского простора, где каждый писатель сам себе капитан, где паруса и канаты протянуты от “Бедной Лизы” Карамзина к нашим бедным “деревенщикам”, от поэмы “Москва — Петушки” к “Путешествию из Петербурга в Москву”.

Читая эту книгу, мы видим, что вечные и, действительно, незыблемые ценности не стоят на месте, приколотые, как экспонаты, по научным рубрикам. Они — перемещаются в литературном ряду и в читательском сознании и, случается, входят в состав позднейших проблематичных свершений. Куда они поплывут, как повернутся завтра, никто не знает. В непредсказуемости искусства — его главная сила. Это вам не учебный процесс, не прогресс.

“Родная речь” Вайля и Гениса — это обновление речи, побуждающее читателя, да будь он семи пядей во лбу, заново перечитать всю школьную литературу. Прием этот, известный издревле, называется — острашением.

Чтобы им воспользоваться, нужно не так уж много, всего лишь одно усилие: посмотреть на действительность и на произведения искусства неподвизтым взглядом. Как если бы вы их читали впервые. И вы увидите: за каждым классиком бьется живая, только что открытая мысль. В нее хочется играть.

Родная речь

От авторов

Для России литература — точка отсчета, символ веры, идеологический и нравственный фундамент. Можно как угодно интерпретировать историю, политику, религию, национальный характер, но стоит произнести “Пушкин”, как радостно и дружно закивают головой ярые антагонисты.

Конечно, для такого взаимопонимания годится только та литература, которую признают классической. Классика — универсальный язык, основанный на абсолютных ценностях.

Русская литература золотого XIX века стала нерасчленимым единством, некой типологической